

КИЙ

Поэзия образов и ритма

I

Пролетарская поэзия начинает вставать на ноги и, можно думать, не замедлит (в историческом смысле) побежать так, чтобы обогнать всех предшественников и сказать свое новое слово, как и следует на грани к коммунизму.

«Все мы начали, как и следовало, с азов. С большим трудом, и то не всегда удачно, мы проходили метрическую форму... Затем цензуры, смешанный метр, аллитерация, свободный стих, пока не докатились до образа и ритма... Каждое движение поэт должен запечатлеть ритмом, поворот головы, взмах руки, даже мельчайшие складки губ, при разговоре, — все ритмично. Какое широкое поле творчества для пролетарского поэта, слушающего ежедневно музыку труда, музыку железа, машин, ремней, огня».

Приведенные строки взяты из статьи т. Александровского «О путях пролетарского творчества», помещенной в № 4 журнала «Кузница».

Образ и ритм, можно сказать, являются лозунгом дня пролетарских поэтов Москвы. На этом пути у них уже есть определенные достижения, которые и могут характеризовать их, как наиболее ярких выразителей целого течения среди теперешних поэтов. Образ и ритм, конечно, не то, что фунт или аршин, а понятия весьма растяжимые, прямо до всеобъемлемости. Образ и ритм могут объять, например, такие величины, как революция, исторические эпохи, вселенная, т. е. все представления об этом могут воплощаться в поэтических образах и ритмах. Отсюда ясно, что важно не только то, чтобы строить стихи, гармоничные не по размерам и рифмам, а образные и ритмичные, но также и то, что вкладывается в образы и ритмы. Другими словами, важно содержание стихов, как бы ни были они построены, хотя

все же факт, что образ и ритм могут вмещать большее, чем размер и рифма.

Стихи таких пролетарских поэтов, как т. Герасимов, Родов, Александровский, Обрадович и пр., можно сказать, пересыпаны образами и гармонирующими (не всегда) с ними ритмом, но тем не менее содержание их могло бы быть и, несомненно, когда-нибудь будет отличаться большей широтой и глубиной, чем бывало до сих пор. Например, «Горе от ума» Грибоедова, «Евгений Онегин» Пушкина, «Демон» Лермонтова и пр. из более крупных произведений наших и иностранных поэтов дают образы в целом и притом такие образы, которые живут целыми десятилетиями. Или, например, «Мистерия-Буфф» Маяковского тоже самое дает в целом такой образ и столько соответствующего ритма, что это футуристическое произведение нельзя не считать в ранге крупных поэма наших дней. То, что пролетарские поэты еще не дали ничего исторически крупного, разумеется, не может им ставиться в упрек или хоть сколько-нибудь умалять значение пролетарского творчества, но, тем не менее, необходимо, чтобы на первый план выступали содержание и красота произведений в целом, а не по частям.

Каждую из фраз или хотя бы каждую из строф того или иного стихотворения, вообще говоря, можно пересыпать образами и ритмом, но если в целом содержание ничтожно, то произведение будет просто лишь красивой, изящной, звучной и т. д. безделушкой. Конечно, и это будет искусство, но не более ценным, чем столовые миниатюры в сравнении, скажем, со скульптурными работами Антокольского. Словом, погоня за образами и ритмом не должна превалировать над погоней за содержанием.

Остановимся на лучших из стихотворений, помещенных в только что вышедшем № 4 «Кузницы».

Вот довольно объемистый отрывок из стихотворения т. Родова «Зимой по республике». Разумеется, нельзя по отрывку судить о целом, но тем не менее в нем есть элементы того именно поэтического творчества, о котором говорилось в начале.

Умереть и воскреснуть в приволье,
В слияньи; в сияньи бесчисленных сил,
Чтоб в вихре страданий

Единою волей

Порыв миллионы пронзил,
Связал бы, спаял бы и бросил
На суши, на тверди, на просинь,
На небо и в бездны
Тараном железным...

Здесь настроенье и призыв, внутренний подъем, а поэтому длинноты не только не тяготят, но, наоборот, захватывают своим как бы нарастающим ритмом.

Чтоб все вовлекалось, кипело, дрожало
 В слияньи, в сияньи бесчисленных сил;
 Чтоб каждый был частью
 И каждый был целым,
 Спаянный душою и телом;
 Чтоб каждый вселенную в сердце носил...

Так заканчивается отрывок поэмы т. Родова. В наше время спаянность — великое дело, и призыв к ней придает революционную содержательность отрывку, в котором к тому же удачно гармонирует внешнее и внутреннее.

Однако лучшим стихотворением в отношении образности и ритмичности нужно считать «Ро со фе со ре» т. Филипченка. Оно начинается величавым размером и довольно образной, но мало поэтической строфой:

Весы и метр и микроскоп науки,
 И властный разум радостно вздыбля,
 Громадой толп на пьедестал тебя —
 Вскрылят твой мозг и сердца перестуки.

Историческому величию советовластия должен соответствовать свой размер и свой ритм, поскольку, конечно, в этом может сказываться определенное отношение описующего автора.

И за тобой страны любой народ,
 Глаз не сводя, как с солнышка подсолнух,
 С дел беспримерных и величья полных, —
 Не затвори бессмертия ворот.

Здесь разве только не так хорошо гармонируют: «глаз не сводя» и подсолнух, но это сравнительно мелочь.

В дальнейшем ритм стиха начинает меняться в зависимости от изображаемого или передаваемого автором, т. е. содержания и настроения.

Слышатся песни,
 Напрягаются мускулы,
 На стенах копошимся, как черви,
 Как муравьи, все серы и тусклы,
 И движение в каждом нерве,
 Каждый вздымает кирпич поотвесней,
 Как сердце, облитое кровью, сжимая кладет,
 Как сердце, что бьется, в знаменах живет,
 У каждого сердце в руках,
 Мириады сердец ложатся,

Стены из сердец чувством спаянные на швах, —
 Ни единого здесь тунеядца.

Это место строго выдержано и производит впечатление упорной деятельности, все нарастающей работы. Кроме ритма, это сказывается также в повторении слова сердце. В Советской России совершается кипучая деятельность, но вместе с тем ведется и война, а поэтому стихотворение не отвечало бы своему заголовку, если бы не говорилось о последней. В дальнейшем ритм стиха и становится коротким, отрывным, боевым.

За топор,
 Лопату, лом,
 На простор,
 На бой, впролом
 Мы — рабочий, командир,
 Дом наш — мир.
 В пушки, в танки,
 В пулемет
 Все крестьяне и крестьянки.
 Весь трудящийся народ...

Здесь рельефно передается ритм боевого состояния в отношении разрухи и господствующего класса.

В целом же стихотворение т. Филипченка можно считать удавшимся, потому что оно дает достаточно характерный и выпуклый образ Советской России данного периода, написано с творческим подъемом и продумано. Оно легко читается, не растянуто, и содержание его вылилось в гармонирующую с ним форму.

II

Всякое художественное произведение тем ценнее, чем больше дает не в деталях своих, а в целом, но, к сожалению, далеко не всякое может удовлетворять этому требованию. Хороший пример тому может быть поэма т. Герасимова «Октябрь», помещенная в № 1 московского журнала «Художественное слово».

Эта поэма вся пересыпана в большинстве красивыми, поэтическими образами, но в целом дает так мало, что плохо запечатлевается, потому что в ней нет хоть сколько-нибудь выпуклого синтеза мысли, сюжета, настроения и т. д.

Черный катафалк завода,
 Толпы угрюмых рабочих,
 От прокопченных сводов
 Дым застилает очи.

Кто скажет, что эти строки не дают рельефной картинке до-революционной фабричной жизни? Возьмем и еще строфу.

Зданья — железные тюрьмы,
В склепах — могучий мертвец.
Горны — горящие урны
С пеплом рабочих сердец.

В самом размере и ритме этих строф уже чувствуется напряжение, и кажется, вот-вот мертвец поднимется. Во второй главе поэмы это и происходит, чем, собственно, и открывается ее развитие.

Но вот отверзнут камень,
Воскрес стальной мертвец,
Животворящий пламень
Коснулся всех сердец.

В дальнейших строфах даются радость переворота, боевой подъем, тяжести и значение борьбы и побед. Есть простые и ясные образы, но есть и вычурности.

Сорвали мы корону
С великого Кремля,
Где колокольным звоном
Баюкалась земля...
Гигантской гильотиной
Отрубим шар земной...
И там восставший солнце взрезал,
Ломти бросая в города...

Баюкаться колокольным звоном — выразительно, красиво и поэтично, но отрубать земной шар, взрезать солнце и бросать ломти (точно арбузные) вычурно, выдуманно, прозаично.

В пятой главе поэмы захватывается крестьянство, и неудачно с первой же строфы, но если и характерно, то лишь в первой строфе.

Октябрь постучал в околицу,
На крыльях принес весну,
А рига склоненная молится,
Не видит — огонь блеснул.

Если под деревней не разумеешь солдат, которые в городах отлично оценили значение для них октября и были заодно с рабочими, то, конечно, можно сказать, что октябрь околицу

Схватил за нечесаны волосы...

В дальнейшем поэма дает целый ряд различных образных выражений, говорящих больше об отношении автора к револю-

ции, чем характеризующих самый переворот и последующий ход революции. Вот несколько иллюстраций.

Над сталью и станками
Цветут букеты роз...
Я пьян прибоем иступленным
И смехом красноперых струй...
Гори земля, пылайте зданья,
Чтоб пламень сердца не потух!..
Ковшем Медведицы черпнули
Мы счастье вольного Труда!

В целом поэма не увлекает и, кажется, могла бы быть закончена чуть не на любой строфе, что зависит от того, что она примерно со второй половины уже не дает ничего нового читателю в отношении содержания и ритма. В этом смысле поэма уступает приведенным выше произведениям тт. Родова и Филипченка.

В том же номере есть отрывок из новой поэмы Маяковского «Сто пятьдесят миллионов». Этот отрывок написан с большой силой и выразительностью, а содержание его увлекает и заставляет жалеть, что нет продолжения поэмы и конца.

150.000.000 говорят губами моими
Ротационкой шагов
в бульжном верже площадей
напечатано это издание.

Так говорит автор в прологе к поэме. Он — певец исключительно города, и притом певец самобытный даже и среди футуристов, для которого ритм, можно сказать, родная стихия, так что в этом отношении он еще не превзойден. К чтению его произведений необходимо привыкнуть несколько, так как только при этом условии можно рассчитывать на ту или иную полноту впечатления.

Вот, например, несколько штрихов из описания Чикаго.

В Чикаго
от света
солнце
не ярче грошовой свечи.
В Чикаго,
чтоб брови поднять —
и то
электрическая тяга...

Читателю, мало интересовавшемуся новым стихосложением, в этом с сатирическим оттенком описании города может показаться странным, например, то, что в иной строке не больше од-

ного, двух слов, но этим облегчается выразительность чтения, подчеркивается каждое из слов или выражений соответствующей интонацией или короткой паузой. Этим «грешит», например, и Андрей Белый:

Он нашел тебя, королева!
 Он расслышал светлую весть!
 Поет
 Глубина
 Напевно:
 Будет,
 Было,
 Есть!

Здесь отступление отдельных слов вправо означает ударное усиление интонации голоса, а тремя словами друг под другом подчеркивается каждое из них для вящей выразительности мысли автора. Поэты пишут не для себя только и манерой своих писаний могут в известных пределах облегчать читателям их понимание и прочтение их произведений. Но вернемся к Маяковскому.

В Чикаго
 такой свирепеет грохот,
 что грузовое
 с тысячесильной машиною
 казался,
 что вертится тихая кроха,
 что он
 прошелестывал тишью мышиною...

Здесь весьма выразительны и ритм, и звуки, которые производят впечатление или дают картину и грохота, и легкого шуршания, что, действительно, возможно, например, в порту, в фабричном центре, у больших станций и т. д.

Характерно также у Маяковского описание американского «небоскреба».

Дом какой не скажу...
 Места нет такого отойти куда
 чтоб всего его глазом обмерить...
 За седьмое небо зашли флюгера.
 Да и флюгер
 не Богом ли чищен?

Кратко, выразительно и с юмором.

Нет надобности идти дальше за поэмой, потому что она еще не кончена, а судить о ней можно лишь в целом, хотя она и по этим отрывкам обещает быть не бессодержательной. Вообще,

в поэмах Маяковского есть то, чего еще нет в поэмах наших пролетарских писателей, — сюжет. А разве не наличие сюжета делало захватывающими произведения наших поэтов-классиков, например, «Горе от ума», «Демон» и т. д.? В этом сомневаться не приходится, но значит ли это, что Маяковский должен быть образцом для пролетарских поэтов? Он может быть превзойден и будет превзойден, но в данное время он самый крупный из тех новых поэтов, которых классическая поэзия уже не удовлетворяет и которые пытаются разрешить творческие проблемы в плоскостях образа и ритма.

Наши пролетарские поэты, судя по произведениям московских товарищей, уже пытаются создать более крупные произведения, но их работы еще не захватывают в желанной мере, как классические, ни сюжетами, ни образами в целом, но, тем не менее, они встали на путь новой поэзии, образной и ритмичной. Эта поэзия, как бы к ней ни относились поклонники классицизма, более соответствует нашему революционному громоздко-размахистому времени, чем поэзия нарочито размеренная и рифмованная по законам обычного стихосложения.

